

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ХОЗЯИН ГОРОДА

Анастасия Шерр

Анастасия Шерр Хозяин города

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64498276

SelfPub; 2021

Аннотация

Я смогла избежать рабства, но в тот же день попала в его руки. И теперь не знаю, что хуже... Он грех, он соблазн, он страсть, он похоть и ярость в одном флаконе. Он – хозяин города. А я его любовница, наложница, эксклюзивная вещь... **ВНИМАНИЕ!** Открытый финал; Альтернативная Россия. Содержит нецензурную брань.

Анастасия Шерр

Хозяин города

ПРОЛОГ

Ледяной ветер бил по щекам наотмашь, а пальцы на ногах немели от дикого холода. Я упрямо шла вперёд, хоть и понимала, что до города не дойду, не хватит сил преодолеть ещё около двадцати километров. Но лучше уж погибнуть в попытке выбраться из этого кошмара, чем упасть и ждать пока тело заоченеет окончательно, и я превращусь в замороженную котлету для диких зверей. Правда, последние вряд ли высунутся из своих убежищ в такую вьюгу.

Вот так паршиво закончилась моя попытка выйти замуж. А ведь ещё вчера я была уверена, что стану самой счастливой девушкой в мире. Ведь у меня такой замечательный жених. Он так меня любит, так обожает. Он будет самым чудесным мужем. Горящие от морозного ветра губы скривились в горькой усмешке.

Этот ублюдок продал меня! Продал как вещь! Как ничтожную тряпку!

Я поняла, что что-то не так, ещё перед ЗАГСом. Правда, с предательством любимого это никак не связала. Решила, что он просто нервничает. Предсвадебная лихорадка. Он и нервничал. Только причиной тому было не предстоящее торже-

ство, а страх, что всё сорвётся.

Когда Валерий завёл меня в помещение, чтобы показать свой сюрприз, я почувствовала, как внутри всё замирает от страха. Казалось, даже сердце перестало биться на несколько секунд.

Увидев несколько крепких парней, поняла... Я наступила на те же грабли, что и сотни, тысячи других дурочек до меня.

Нынче стало модно продавать людей. Особенно молодых девушек. Да что там... После войны даже детьми торгуют.

Женщины теперь в цене. И хоть их хватает в борделях и забегаловках, каждому мужчине хочется свою личную рабыню.

Да, весь этот беспредел очень удачно прикрывают красным словом «патриархат», а на деле же это обычное рабство. Как было несколько веков назад. И плевать всем на законы.

Так было и в моём случае. Нищая дурочка попала в сказку: цветы, подарки, красивые ухаживания. А самое главное, он умел слушать и его интересовал мой внутренний мир. Как же! Размечталась, дура. Он просто хранил мою девственность, чтобы повыгоднее её продать. Только и всего.

Мне чудом удалось вырваться от бравых ребят. До сих не верю, что удалось. Хотя толку от этого не много. Мне пришлось бежать из города, в котором выросла и жила всю свою жизнь. Даже денег с собой нет...

Одна надежда осталась. Говорят, хорошо там, где нас нет.

Однако, я не раз слышала, что в городе Бекета (одного из героев положивших конец войне, а по-моему мнению такого же убийцы, как и все остальные) тишь да гладь. Там не убивают за кусок хлеба посреди бела дня, не принуждают юных девочек продавать себя и не избивают пожилых людей потому, что их дети воевали на стороне врага.

Да и некуда больше мне идти. Назад нельзя. А вперёд, похоже, не доползу.

Тонкие сапожки уже промёрзли насквозь, а лёгкая осенняя куртка, казалось, вообще не спасает. Свадебное платье превратилось в жалкую тряпку и ко всему прочему стесняло движения. Мои шаги становились всё медленнее, а дыхание всё прерывистей. Слёзы текли по щекам, и лицо жутко жгло от мороза и влаги. Я была уверена, что это конец, но оказалось, что лишь начало...

ГЛАВА 1

– Иван Андреевич, там девок привезли! – пробасил Тур, потирая руки в предвкушении праздника.

– Ладно, приведёшь их после минуты молчания. Парням пора развлечься, – Бекет ещё раз осмотрел зал, перевёл задумчивый взгляд на соседние пустующие кресла. Уже давно он сидит за своим столом один. Нет больше тех, кто стоял с ним плечом к плечу за родину. Грёбаная война забрала тех друзей.

– За вас, мужики. За всех тех, кто остался там.

Отсалютовал трём фотографиям, перевязанным чёрными лентами, и осушил стакан. За Иваном повторили все присутствующие, с грохотом поставили опустевшую тару.

Бекет выдохнул, направился к выходу из зала.

– Отдыхайте, парни!

– А вы, Иван Андреевич? – Тур поспешил за ним, на ходу махнув охранникам, чтобы открыли дверь.

Внутри сразу же влетела стайка шлюх. Хохоча и поправляя причёски и декольте на коротких платьицах, они сходу попали в руки голодных бойцов. Одних потащили за столы, других сразу в тёмные углы.

– Я не хочу. Пойду к себе. Ты отдыхай, Миша. Расслабься. Сегодня можно, – остановился в дверях, когда навстречу ему вошёл один из охранников с девицей на руках.

– Здравствуйте, Иван Андреевич. А тут вот... – вытянул руки, демонстрируя свою ношу, укутанную в плед.

Девка уже была в отрубке, похоже, успела накидаться ещё по дороге.

– Этой денег не давайте, – хотел было уже выйти, но внимание привлекло длинное белое платье, выглядывающее из-под пледа. – А это что?

– Да вот... Нашли на дороге не доезжая до заставы. В снегу лежала. Кажись, кранты девахе. Жалко, красивая.

Бекет мазнул взглядом по точёному лицу с худыми, выпирающими скулами и дрожащими ресницами, которые на

фоне бледной кожи казались слишком чёрными.

– Отнеси в изолятор и позови кого-нибудь из врачей.

Только этой головной боли ему и не хватало. Бекетов не любил брать на себя ответственность за тех, кого даже не знает. Как показывает практика, чревато. Да и время не то, чтобы доверять всем подряд. Пусть даже речь идёт о мелкой бабёнке.

А она вдруг застонала, открыла глаза и с интересом уставилась на него.

Он был очень высоким, широкоплечим. Мощная шея, тёмные волосы и густая борода. И цвет глаз... Невероятно насыщенный синий... И ледяной такой, что дрожь пробирает. Будто в прорубь окунаешься.

Меня трясло. Нет, колотило. В помещении было очень жарко, но я никак не могла согреться. Судя по всему, я уже в городе, что радует, но вот вся эта ситуация...

С трудом оторвала взгляд от мужчины, который властным тоном приказал позвать врача, и посмотрела на того, который меня держал.

Он удивлённо вскинул брови, подмигнул мне.

– Смотрите, очухалась. Иван Андреевич, а можно я её себе возьму? Хоть на пару часов, а?

В момент, когда суть его слов дошла до сознания, мои гла-

за, должно быть, вылезли из орбит. Сама не знаю почему, повернулась к этому Ивану Андреевичу и поймала на себе его изучающий взгляд.

– Я сказал: в изолятор её, – говорил он спокойно, но у озбоченного гадёныша, что всё также держал меня, ощутимо дрогнули руки.

– Отпустите! – я упёрлась в грудь своего, так называемого, спасителя и он разжал руки. – Спасибо, – наградила за сранца злым взглядом и, встав на ноги, повернулась к Ивану Андреевичу. – Простите и благодарю вас, но мне не нужны врачи... Скажите, где я нахожусь? Мне очень нужно встретиться с одним человеком. Только, к сожалению, я не знаю его имени.

Покачнулась, схватилась за дверь и тут же стряхнула с себя нахальные ручищи моего нового ухажера. Чтоб ему пусто было.

– А как же ты его найдёшь, если имени не знаешь? – тот, который Иван, сунул руки в карманы, склонил голову набок, рассматривая меня довольно придирчиво. Мне так показалось во всяком случае.

– Я фамилию знаю. Бекетов... Его ещё Бекетом называют. Тот, что город этот держит.

Иван удивился. Видимо, знал, о ком говорю.

– Считай, ты его нашла. Дальше что?

Я обалдело обернулась на ухажера, а тот в ответ ухмыльнулся. Из-за столов в полумраке слышались женские сто-

ны, и я густо покраснела, сразу же поняв, чем там занимаются.

– Я хочу попросить у вас разрешения поселиться в вашем городе. Пожалуйста... – Думаете, я не подготовилась? Да я всю дорогу только то и делала, что повторяла свою вступительную речь. Я собиралась поведать Бекету о своих многообещающих планах, умолять с жалостливой мордашкой и даже сплясать, если понадобится. На худой конец, присягнуть на верность, если это посулит мне доступ к мирной жизни...

Но стоило увидеть его вживую, все слова исчезли, и я что-то невнятно замычала. А ещё, сбивали с толку трахающиеся на диванчиках. Вот прям до жути. И в животе от запаха еды всё свернулось в узелок. Эх... Провалила я, похоже, своё задание.

– В мой город путь тем, кто не смог выжить там, закрыт. Я не принимаю беженцев, гонимых и нищих. Ни женщин, ни детей. Хотя, нет. Женщин принимаю. Моим бойцам нужны женщины. Для удовлетворения мужских потребностей. Ты работала раньше в этой сфере? Станешь обслуживать солдат и охрану?

Плохо дело. Вот как знала, что надо было идти в шлюхи. Да не могу я без любви... Глупо, знаю. Особенно в наше время. Теперь уж точно придётся, когда меня вытурят из города надежд, а потом выловят те, кто заплатил моему жениху.

Наверное, всё это отразилось на моём лице, потому что Бекет вздохнул, кивнул парню, что стоял позади меня.

– Отведи её в изолятор и сделай, что я говорил, – и как только я открыла рот, чтобы возразить, он перевёл взгляд на меня. – А ты делай, что говорю. Иначе, вылетишь из моего города прямо сейчас.

Что за взгляд у неё странный, у этой малявки? Аж внутри всё перевернулось. Так когда-то смотрела на него умирающая девочка. Она лежала на асфальте, истекая кровью, а Бекет стоял над ней с автоматом наперевес, не зная, чем помочь. Спасти её не представлялось возможным, а добить рука не поднялась. Ей было лет четырнадцать, не больше. Просто попала под перекрестный огонь. Не повезло, как и многим другим. Но именно эту девочку он видит во снах. Почти каждую ночь. Она уже стала его другом.

Девчонку увели, а он ещё долго смотрел ей в след. Мелкая, худощавая. На стрекозу похожа. Но красивая. Бойцы от такой не отказались бы. Но ему почему-то не хотелось её отдавать голодным солдатам. Наверное, всё дело в том взгляде.

Позади вскрикнула одна из шлюх, и Иван вдруг очнулся. Закрыв дверь, направился к себе. Просто устал. Просто нужно отдохнуть.

Уже в корпусе встретил Риту. Та выпорхнула из своей комнаты, будто знала, что он будет проходить по коридору.

– Привет! А я вот в честь праздника приготовила пирог.

Будешь? – и в глаза преданной собачонкой заглядывает.

– Нет, я домой поеду. Ты бы сегодня не выходила из своей комнаты, парни будут пьяные бродить. Нарвёшься.

Взгляд её потух, уголки губ опустились вниз.

– А я думала, ты зайдёшь... Мы могли бы отметить День Победы вместе.

– Не зайду, – отодвинув её в сторону, пошёл дальше.

– Иван!

Стиснув зубы, вышел на улицу, вдыхая морозный воздух. Рита, откровенно говоря, уже достала. Говорят, секс – не повод для знакомства? Чушь. Для женщины секс – гарантия замужества. И попробуй объясни ей, что он хотел всего лишь потрахаться. Он хочет, она доступна – это нормально. Даже более чем.

Уже дома снял куртку, бесшумно прошёл в детскую.

– Привет, воин, – усмехнулся, разглядывая разрисованную под камуфляж мордашку дочери. Она тихо посапывала, посасывая при этом палец, а рядом лежал деревянный автомат, выстроганный для малышки кем-то из охранников.

– Простите, она не захотела умываться. Сказала, что сначала должна показаться папе, а потом уже... – нянька сидела в полумраке с большой книгой сказок в руке.

– Хорошо. Можете идти спать, Нина.

Сам же устроился в кресле рядом. Ночь – единственное время, когда он мог посидеть с ней и просто полюбоваться на подрастающую дочку. Днём постоянно не хватало време-

ни. А ему бы куда-нибудь на острова. Как было ещё до войны. Научить мелкую плавать. Да просто забыть об оружии, защите города, постоянных разборках со слетевшими с катушек людьми. Немного тишины и покоя.

– Папочка, пр-ривет, – сонно закартавила малышка и потянула к нему руки. – Я тебя ждала.

– Ну привет, разрисованная моська. Опять не слушаешься няню?

Маринка усмехнулась беззубой улыбкой, и внутри разлилось тепло.

– А тепер-рь ты р-разр-решешь мне охр-ранять гор-род, – выговаривала проклятое «р» изо всех сил, показывая, что она уже выросла.

– Нет. Не разрешу. Никогда не разрешу. Ты моя принцесса, а принцессы не охраняют города. Принцесс охраняют. Ладно, раз ты не спишь, пойдём умоемся.

Маринка задорно захохотала, когда он подхватил её на руки и подбросил к потолку.

Лёжа на узкой койке в изоляторе, я дрожала всем телом и безуспешно пыталась согреться под тонким одеялом. Градусник на стене показывал двадцать семь градусов, но меня так знобило, словно я до сих пор на улице.

Кто-то склонился надо мной, провёл рукой по лицу.

– Она горит. Приготовь угол. Побыстрее! – мужчина в белом халате, заглянул мне в лицо, приподнял пальцем веко. – Ты меня слышишь? Как ты себя чувствуешь?

– Х-х-холодно, – мои зубы стучали в прямом смысле этого слова.

– Ничего. Потерпи. Принеси ей ещё одно одеяло, – снова кому-то отдал распоряжение и исчез, а я провалилась в беспокойный сон.

Не знаю, сколько прошло времени, но когда открыла глаза, за небольшим окошком с решёткой всюду светило солнышко.

Сначала я даже не поняла, где нахожусь. Огляделась по сторонам, отметила серые стены и ещё одну койку. Она, правда, пустовала. Две тумбочки, небольшой шкаф и столик с двумя стульями.

Когда память вернулась, застонала, закрывая лицо руками. Как же я могла забыть о своём вынужденном «свадебном» путешествии?

Поднялась с кровати, преодолевая боль в затёкших конечностях, подошла к двери. Заперто.

И что, спрашивается, дальше?

Меня не выкинули умирать на улицу и не выдворили из города – это уже хорошо. Мне тут явно не рады и держат взаперти – это плохо.

За дверью послышались быстрые шаги, и я отпрянула назад.

– О, да ты уже пришла в себя? Молодец, – невысокий лысенький доктор, осмотрел меня беглым взглядом, дал дорогу санитарке, что несла поднос с едой. – Повезло тебе, красавица. Всего за три дня очухалась. Но больше не советую так переохладиться. Может закончиться плачевно. Сейчас тебе градусник дадут, померяй температуру, поешь и отправляйся с Таисией к шефу. Он с утра тебя ожидает.

– Аа... – я не успела сказать и слова, как врач сбежал, захлопнув за собой дверь. – Здравствуйте, это вы Таисия? – повернулась к санитарке, а та смерила меня недовольным взглядом.

– Я. Садись, ешь. Позже найду, – ткнув мне в руки градусник, тоже пошла к выходу.

– Простите...

Но дверь уже захлопнулась, и слышался щелчок. Вот и поговорили.

Измерив температуру, села за стол и с наслаждением втянула в себя запах горячего супчика. Вот чего мне не хватало... Сколько там доктор сказал? Три дня?! Я была в отрубке три дня! А что было бы, если бы Бекет вышвырнул меня из своей резиденции и оставил на улице? Да я бы погибла.

Нужно его как-нибудь поблагодарить. Осталось только надеяться, что он пожелал меня видеть не для того, чтобы вы-

гнать. Мне назад никак нельзя.

Суп оказался и на вкус умопомрачительным, до дрожи в коленках. Отодвинув тарелку, которую я опустошила всего за пару минут, откинулась на спинку стула, закрыла глаза. Но переварить еду мне времени не дали. Дверь резко распахнулась, и перед моим взором возникла всё та же неприветливая Таисия.

– Пошли! – бросила мне грубо и развернулась. Пришлось поспешить за ней, чтобы не заблудиться в этом лабиринте бесконечных коридоров и дверей.

До кабинета Бекета шли долго. Я даже не знала, что бывают такие большие постройки. Целое селение в одном здании. Да-а... Знатно Бекет окопался. Интересно было бы посмотреть на его город.

Он сидел за большим дубовым столом, с явным наслаждением потягивал кофе. Ещё бы ноги на стол закинул – и вылитый конгрессмен.

Когда дверь позади меня закрылась, он поднял взгляд.

– Здравствуйте, Иван... Э-э-э...

– Андреевич, – мрачно так, угнетающе. У меня тут же перегорел весь настрой.

– Андреевич... Я хочу извиниться за доставленные неудобства и попросить вас...

– Позже просить будешь, – прервал довольно грубо, поставил чашку на блюдце. – А сейчас расскажи мне лучше, откуда ты взялась такая вежливая? Мм?

Я пожала плечами, вздохнула. Невыносимо ныли ноги, хотелось присесть. Но меня никто не приглашал, а нарываться сейчас не хотелось.

– Из-под венца сбежала...

– Поподробней. От кого сбежала? Почему сбежала?

Его взгляд пронзительный и недобрый сканировал меня, будто рентген. От этого становилось не по себе.

– От жениха. Вернее, я думала, что жениха. Он меня обманул и продал. В день свадьбы хотел провернуть сделку. А я сбежала.

Честно говоря, рассусоливать на эту тему совершенно не хотелось. Меня всё ещё душила злая обида на ублюдка Валерика... Но и молчать не могла. Иначе, Бекет меня просто выкинул бы.

– Что ж, Милана, спасибо за честность. Проходи, присаживайся, – кивнул на стул напротив, и я шагнула вперёд, но тут же остановилась.

– Что-то я не припоминаю, чтобы говорила вам своё имя...

– Потому что ты его не говорила. Сядь, сказал. Будешь просить оставить тебя в городе?

Именно в этот момент я поняла, что Бекет совсем не прост. Нет, я и раньше это понимала, ибо не сможет держать огромный город какой-нибудь лошок. Но вот сейчас осознала особенно чётко, что с ним шутить не стоит.

Желудок, гад, активно переваривал еду и, надо признаться, очень шумно. То ворчал, то бурчал. А Бекет всё ждал. Ждал и смотрел на меня, как на провинившегося ребёнка. Ждал, что я припаду к его ногам и начну слёзно молить о милости... А я не падала. Сидела на стульчике и ковыряла мягкий ковёр носком старого тапка (выданного мне, как и заношенный халат, видимо, той же злобной Таисией).

Мозг не хотел работать. Меня всё ещё штормило и хотелось спать.

– Я... Э-э-э... Если вы меня выгоните, то меня найдут те сволочи, что заплатили за меня, и я попаду в рабство, – аргумент, конечно, хороший. Для суда или полиции, если бы власти не были продажными... А вот для Бекета – едва ли.

И он поспешил подтвердить мои догадки:

– А почему меня это должно волновать? В ваших краях ежедневно кого-то продают, кого-то покупают. Даже в моём городе подобное иногда случается. Разумеется, всё это происходит как можно дальше от меня и моей резиденции, но полностью торговлю людьми искоренить пока невозможно. Скажем так, это займёт годы. Долгие годы. Десятилетия. Итак, повторяю: почему я должен защищать тебя? Что в тебе есть, чего нет в других? И почему ты решила, что у меня тебе будет хорошо? Может, я сам тебя продам? Или возьму себе в качестве рабыни, м?

Дааа... А перспективка-то вырисовывалась не ахти... А и правда, чего я ожидала? Думала, меня тут с распростёртыми объятиями встретят?

Да ничего я не думала... Я спасала свою шкурку, пока её не попортили. Вполне ожидаемо, разве нет?

– У меня, знаете ли, как-то не было времени на «поразмислить». Нужно было делать ноги. Я и сделала. А вы... Если продадите меня, то какой вам толк от этого? Вы же вроде не бедствуете, да и на мне много не заработаешь, учитывая нынешнее состояние и вид товара.

Мужчина откинулся своим мощным телом назад, аж скрипнуло несчастное кресло. Улыбнулся, но прищур не исчез. Сканирует, изучает.

– Не глупа. Это радует и огорчает одновременно, – проговорил задумчиво, а я зависла на этих словах. Почему огорчает? Дурочек любит, что ли? Так я могу прикинуться тупицей, для меня это вообще раз плюнуть. Лишь бы на мороз с голой задницей не выкинули. – Ну и какой мне толк от тебя, девочка? Постель мне согреешь?

Во рту резко пересохло, и я с тихой грустью взглянула на графин с водичкой. Просить попить стеснялась.

– Ааа... Других вакансий нет? Я как-то это... Не профи в этом деле.

Бекет улыбнулся, и на левой щеке проступила ямочка. Такая милая, уютная... Совсем не сочетающаяся с его грозным видом. Эдакий убийца-милашка.

– Других нет. Повара у меня есть, уборщики есть, охранники. Есть те, кто собирает мебель и чистит камин. Есть прачки и даже кальянщики с официантами. А вот женщины в постели – нет.

Да, многообещающе, ничего не скажешь. Не хотите ли вы, уважаемая беженка, быть моей личной дыркой? Прямо безумно хочу! Ночами не спала, о Бекетовском члене во мне мечтала!

И призадумалась, представив эту картину маслом. Я голая, вся такая томная и стонущая, лежу на белых шелковых простынях... И он на мне. Трахает моё связанное тело и... Так, не туда меня понесло. Вот вообще не туда!

А Бекет воспринял моё молчание по-своему. Ухмыльнулся так нагло, окинул меня оценивающим взглядом, будто уже был уверен, что я сейчас полезу под стол, чтобы сделать ему минет.

Запахнув старенький халатик, гордо вздёрнула подбородок. Как там говорится? «Я не такая»? Так вот – я не такая! Я, между прочим, девственница! А в наше время это очень большая редкость.

– А что же у вас, такого видного мужчины, нет грелки? Неужели не нашлось среди официанток и прачек ни одной достойной? – Сейчас, наверное, не самое лучшее время для подколок и насмешек над тем, от кого зависела моя судьба. Но я, как глубоко оскорблённая таким унижительным предложением личность (попросту говоря, не хочу я давать вся-

ким там чужим мужикам), не удержалась.

– Я просто очень избирательный. Разумеется, я могу взять себе любую девушку или женщину из всех вышеперечисленных, но пока такую не встретил, – он, казалось, совсем не обиделся на мой выпад.

– А я, значит, подхожу?

– Пока не уверен, но даже одна ночь со мной сулит безбедную жизнь в моём городе.

Ах, ты ж, шантажист... Моя меркантильная половина даже представила эту безбедную жизнь. Круто, наверное, быть любовницей такого мужика. И снова жадная до материальных благ «Я» подала голосок: «А я б дала!»

– Понимаете, в чём дело... Я так не могу... Ну, не могу я спать без любви! – почти выкрикнула ему в лицо, но оно не изменилось. Ни единой эмоции там. Вот как понять, о чём он сейчас думает? – Нет у вас там какой-нибудь чёрной работёнки? Ну там, разгружать вагоны с углём, чистить унитазы? Я на всё согласна.

Бекет оттолкнулся от спинки кресла, сцепил руки в замок. А я залипла на его запястья... Такие по-мужски красивые, идеальные даже. Под смуглой кожей проступают жилы и бугрятся вены. Одной рукой он может мне свернуть шею и, казалось бы, что там красивого... Но я пропала. Удивительно, что не потекли слюни.

Не знаю, сколько так пялилась на его руки, но когда подняла глаза, почувствовала, что от стыда начинает полыхать

кожа лица. Вот же ж... Он, наверное, подумал, что я пялилась на его дорогие часы. И докажи теперь, что не жадная до денег шлюшка.

– Знаешь, есть у меня одно место. Но пока я не проверю тебя более тщательно, посидишь в изоляторе. Заодно поправишь здоровье, – заключил строго и, как только я хотела рассыпаться перед ним в благодарностях, нажал на кнопку коммутатора. – Уведите!

ГЛАВА 2

Увели. Как преступницу. Спасибо, кандалы не надели. В принципе, Бекета понять можно. Он ведь взял на себя ответственность за всех этих людей. А вдруг я какая-нибудь шпионка? Война закончилась, да вот только это всё лишь видимость мира и покоя. На самом деле мы сами себе ещё те враги.

Охранник открыл мне дверь, подмигнул.

– Давай, ляля. Пошла внутрь.

Вот хамло. Я даже рот открыла, чтобы ответить ему достойно, но настроение к дискуссии пропало, как только он опустил взгляд на мою грудь. Грудь, надо заметить, очень даже скромненькую, без всяких излишеств. Только данный факт не отменял того, что это неприлично и неприятно. Иногда у меня возникает ощущение, что я единственная на Земле, кто живёт не одними мыслями как потрахаться да по-

жрать. Хотя, чего скрывать, вещи довольно интересные и увлекательные. Но не со всеми же подряд.

Как там я должна сказать? «Мои глаза находятся выше?» Боюсь, ему мои глаза были по боку. Не глаза его волновали.

Сгорбившись от неуютного взгляда наглеца, заскочила в палату изолятора, и дверь позади меня закрылась.

– Фу-ух! – упала на кровать, и по ещё слабым конечностям растеклось приятное тепло.

А здесь не так уж и плохо. Тепло, кормят, кроватка мягкая. Это, во всяком случае, лучше, чем лежать под каким-нибудь толстопузым чиновником или бандитом. Хотя, если подумать, то доверять никому нельзя. Даже здесь. Даже Бекету. Не такой уж он и милашка, если задуматься. Я не раз слышала о нём жуткие истории, а дыма без огня, как известно, не бывает.

Таисия пожаловала через несколько часов, когда я уже вся извелась от скуки. Занесла поднос с обедом, молча поставила его на стол.

– Извините, а у вас нет книжки какой-нибудь? – ещё одна робкая попытка наладить контакт.

Женщина подняла на меня взгляд слишком ярко окрашенных глаз, скорчила недовольную рожицу.

– Тут не библиотека. Нам некогда книжки читать, – пробурчала недовольно и величественным шагом направилась к двери.

– Ну, хотя бы журналчик какой-нибудь? Или кросс-

вورد? – заметьте, я даже не просила компьютер или мобильный телефон.

– Нету! – и захлопнула дверь.

– Гадюка, – буркнула ей в след и сползла с кровати. – А вот и еда, – рот мгновенно наполнился слюной при виде большого, ароматного куска мяса, поджаренного до хрустящей, румяной корочки. – Ням-ням, – схватив вилку, набросилась на салат из свежих овощей, не оставляя без внимания и главное блюдо.

Я не слышала, как открылась дверь, а когда позади скрипнула половица, вскрикнула.

– Тихо, ты чё? – а в гости пожаловал тот самый гадёныш, который подобрал меня на заснеженной трассе. – Приветик. Говорят, ты уже в себя пришла. Вот, зашёл... Ну это... Поглядеть на тебя, – а сам бушлат расстёгивает, глазами по мне своими блуждает.

Да. Тебя только тут не хватало. Глядельщик, блин. Нет, вы не подумайте, что я какая-то неблагодарная дрянь. Но такие визиты меня напрягают. Ведь понятно уже, что он не о моём здоровье справиться пришёл. Ещё здоровый гад, плотный такой.

– Э-э-э... Не знаю даже как сказать... Спасибо, конечно, что спас меня и всё такое, но...

– Так щас и поблагодаришь, чё ты? – наступает с пошлой ухмылочкой и бушлат уже стаскивает. – Ты как любишь, сверху или рачком?

Ууу... А паренёк-то настроен серьёзно.

– Слушай, ты извини, но ничего не будет. Я не по этим делам, – на всякий случай отодвигаю стул ногой так, чтобы успеть добежать до двери. Только вот загвоздочка, он успеет меня перехватить так, что и глазом не моргну.

– Да ладно, не кочевряжься. Я ж видел, как ты на меня смотрела тогда. Да ты не стесняйся, это нормально. Меня все бабы хотят.

Я окинула скептическим взглядом сего мачо и выставила руку вперёд.

– Даже не думай!

Да меня никто в моём жутком городишке до сих пор уломать не мог, а там умеют склонять к интиму, ага. Что не день, то с десятков изнасилованных. А тут этот... С позволения сказать, красавчик. Нет, парень, может, и ничего. Но это он для своих «баб, которые его хотят» – ничего. А меня вот вообще не зацепил. Даже не ёкнуло нигде.

– Да ладно, не ломайся. Я по быстрому, – мачо схватился за ремень, но что-то вдруг пошло не по его плану. Пролетел бедняга от стола до стены. Когда я говорю «пролетел», я не преувеличиваю. Именно пролетел. Как кукушка над гнездом. Сполз на пол и застонал, схватившись за челюсть. Больно тебе, маленький? Так-то! Будешь знать, как приставать с приличным девушкам.

Перевела обалдевший взгляд на Бекета и засияла. Я не собиралась с ним флиртовать или ещё чего в этом роде, просто

губы сами растянулись в премолой улыбочке.

– На пост, бегом! – рывкнул на парня, и тот почти на карачках устремился к двери. Я же выровнялась, как солдат, выкатила от ужаса глаза. Чего это он так? – Ты! – ткнул в меня указательным пальцем, буквально загоняя в угол. Сделав широкий шаг, настиг меня, и палец его ткнулся мне в лицо. – Ты какого хрена тут творишь?! Решила устроить здесь бордель?!

– Что? Я? Да я...

– Ну-ка цыц мне, – прошипел, склоняясь так низко, что его прерывистое дыхание обожгло мне губы. – Ни звука. Слушай сюда, красавица. Ещё раз я увижу что-то подобное, и ты вылетишь из моего города, как пробка. Более того, я сам найду тех, кому там продали твою тушку, и вручу им тебя перевязанную бантом. Ясно? – и глазами своими бешеными так буравит, что земля из-под ног уходит.

– Я не звала его. Он сам пришёл, – лепечу, опустив глаза в пол и пытаясь придушить истерический смех, что рвался наружу. «Не виноватая я, он сам пришёл». Очень правдоподобно, да. – Я не знаю, как вам доказать и понимаю, как всё выглядело, но он сам пришёл и сам раздеваться начал. Я ему говорила, что... – и судорожно выдохнула, когда Бекет схватил меня за лицо.

Несколько секунд всматривался, что-то раздумывал, а потом отпустил.

– Сейчас пришлю к тебе врача, пройдёшь полное обслед-

дование и сдашь анализы. Не хватало ещё, чтобы сразу какую-нибудь принесла.

Я ахнула от обиды, открыла рот, но сразу же захлопнула его.

– Вот так. И на будущее, не важно, заперта дверь снаружи или нет. Ты должна закрывать её изнутри. Не нужно провоцировать моих бойцов. Дорвутся до тебя, в ключья растерзают, – снова осмотрел моё лицо, вздохнул. Куда ж тебя такую красивую деть, а? Думал отправить на кухню помогать, так и там заловят. Ладно, придумаю что-нибудь, – говорил, будто сам с собой. – Так, всё! Никуда не выходи без моего разрешения, поняла?! – прогремел раздражённо, и я кивнула.

– Поняла.

Увидел, как Костик расстёгивает ремень, и перед глазами всё красной рябью пошло. А эта стоит, глазками хлопает. Её выебут сейчас, а она хлопает. Дура мелкая.

И так ей ремня всыпать захотелось, что зазудели ладони. Как Костика отшвырнул – сам не понял, всё на автомате вышло. Парень, конечно, не виноват. Они сутками на посту, баб только по праздникам и видят. А тут красotka такая под носом. Дурак бы отказался.

Он и сам бы не прочь. И вполне вероятно, что так тому и быть. А значит, никому не даст. Себе оставит.

Эта мысль пришла так же внезапно, как и желание раз-
мозжить голову охраннику. Оторвать ему охранялку под са-
мый корень. Чтоб не тянул ручонки к чужому добру.

А добро это, надо отметить, бесстрашное. Или глупое.
Другая бы уже либо дала, либо орала, как резаная. А эта
всё договориться пытается. Не замечает, дурёха, что халат
на груди распахнулся.

А там всё так мило, так по-девичьи, что даже Бекету, ра-
нее ничем подобным не страдавшему, сперма в голову уда-
рила. Он, конечно, как и любой здоровый мужик любит жен-
щин. Только эту женщиной назвать сложно. Мелкая, глупая
ещё. Ей бы подрасти немного. Ну, или поумнеть.

Наорал на неё и жалко мелочь стало. Вся съежилась, губу
нижнюю выпятила. Обиделась.

– Вы звали, Иван Андреевич? – в кабинете появился врач,
а Бекет удивлённо огляделся вокруг. Это когда он успел сюда
прийти?

Так, всё! Надо вечером девок опять заказать. Это всё
недотрах. На сиськи мелкой этой залип. Позорище.

– Да, Аркадьич, звал. Там девчонка в изоляторе, которую
ты выходил. Её нужно тщательно обследовать. Обязательно
возьми анализы на ЗППП и прочую хрень. И я тебя прошу,
пусть санитарки следят за ней. Чтобы парни туда не бегали.
Договорились?

Аркадьич развёл руками, пожал губы.

– Обследование проведу, не вопрос. Запереть – запрю. Но

ты же знаешь своих бойцов лучше меня. Рано или поздно поймают. Это ж как куском мяса перед носом голодного пса водить. У меня в изоляторе мужики одни лежат. А ну как дверь ночью выломают. Не дикари, конечно, но время какое, Иван Андреевич? Я, конечно, послежу за ней пару дней, пока анализы будут готовы. А потом ты уж сам... У меня дел много, сам знаешь. Не для себя живу. Ну и если тебе интересно моё мнение, то девчонке тут вообще не место. Бедовая она. В женский корпус её переведёшь, и там приключений себе на жопу найдёт.

Бекет вздохнул, задумчиво закивал. Дело говорит старик. Только если он, Иван, девчонку выдворит, её сразу же поймают отморозки. Мелкая кому-то сильно приглянулась, уже соседний город на уши из-за неё поставили. Ищут. Роят.

И ему нахрен не сдался этот геморрой. Девочек вроде хватает. Не одна, так другая. Всегда найдётся тёплое тельце на ночь. Да жалко эту мелочь.

– Это решено. Девчонка останется у меня. Иди, Аркадьич.

– Пойдём! – в дверном проёме появилось уже привычно недовольное лицо Таисии.

– Куда? – спросила настороженно, а та опять скривилась, словно лимон целиком сожрала. Вот уж неприятная женщина...

– К доктору в кабинет. Сказано тебя привести, – и исчезла, явно намекая, что никто меня дожидаться не собирается.

Молча сползла с любимившейся кровати и поспешила за стервой. В коридоре было мрачновато и ни единого окошка. Будто в тюрьме. И запах этот больничный... Бррр! Стало не по себе. Не люблю я эти обследования: иголки, шприцы... Жутко.

Но послушаться не могла. Раз уж Бекет был настолько добр, чтобы оставить меня в городе, то я обязана принять его условия.

А в самом кабинете меня ожидал сюрприз. Малоприятный такой сюрприз... Увидев гинекологическое кресло, я замерла у двери и жалобно взглянула на пожилого доктора.

– Только не говорите, что мне придётся туда карабкаться...

Врач удивлённо вскинул брови, тут же нахмурился. Похоже, не только Таисию я тут раздражала.

– Придётся. Проходим, раздеваемся.

Да... Попала.

Я чувствовала себя изнасилованной. Нет, процедура осмотра, конечно, стандартная, и дяденька-доктор меня не домогался, как показывают в американских фильмах про извращенцев. Да и все женщины проходят подобное время от

времени... Но тот факт, что меня рассекретили, совсем не радовал. Теперь изнасилование – лишь дело времени. Уж больно ценен в наше время этот самый «цветок». Ещё и врач смотрел таким диким взглядом, будто за свои годы ни разу девственницу не видел.

Можно, конечно, уповать на врачебную тайну и мораль доктора, но что-то мне подсказывало, что Бекет вскоре узнает обо всём. Узнает и что дальше? Честно говоря, неизвестность пугала похлеще насилия.

– Я могу идти? – спросила несмело, застёгивая молнию довоенного халата. Другой одежды мне так и не выдали.

– Нет пока. Присядь, пожалуйста, ответишь на пару вопросов, – после осмотра доктор заметно подобрел, что тоже в какой-то мере настораживало.

Вздыхнув, плюхнулась на скрипучий стульчик, съёжилась от пристального взгляда врача.

– Сейчас я попрошу тебя быть со мной предельно откровенной, Милана. Договорились?

Я пожала плечами. Как будто у меня был выбор.

– Спрашивайте.

– Сколько тебе лет? – он достал блокнот, ручку и уставился на меня в ожидании.

– Двадцать, – хотелось спросить, почему их Иван Андреевич не поделился с ним информацией, но прикусила язык, не желая портить с врачом отношения. Авось пронесёт, и он ничего никому не расскажет...

– У тебя был сексуальный опыт?

Так... Приехали. У старичка склероз? Было бы неплохо.

– Нет, конечно. Вы же сами знаете.

– Я не об этом. Понимаешь, – начал он мягко, будто соби-
рался открыть мне великую тайну. – Интим он ведь разный
бывает. Был ли у тебя, скажем, оральный секс? Или аналь-
ный?

Чего?! Да ты, дяденька, охренел?

– Нет, – сдержалась.

– «Нет» – не было орального или «нет» – анального?

Вот тут мне захотелось послать врачиху куда подальше.

– Никакого не было, – процедила сквозь зубы, уже готовая
сорваться и уйти.

– Что ж... Хорошо, – задумчиво проворчал себе под нос,
что-то черкнул в блокнотике. Ох, не нравилось мне всё это.

– А где твои родители, девочка? – сложив руки в замок,
установился на меня немигающим взглядом.

– Погибли, – этот разговор мне нравился всё меньше. Хо-
телось реветь и орать матом одновременно.

– Какие-нибудь серьёзные болезни у них были?

Медленно выдохнула, мысленно досчитала до десяти.

– Не помню ничего такого. А почему вы спрашиваете?

Выспрашивает так, словно ему мои генетические данные
важны. Уж не надумал ли этот потрёпанный светила опыты
надо мной проводить?! Так я живой не дамся!

– Просто интересно, – улыбнулся чересчур неискренне и

захлопнул свой блокнот. – Ну всё, кровь на необходимые анализы я у тебя взял, осмотр провёл, можешь идти.

Поднялась со стула и пошла, на ходу обдумывая свои действия. Может, ну его, этот город надежд? Может, драпануть мне, пока не поздно? А куда? Кто и где меня ждёт? Здесь хоть Бекет защищает...

В коридоре меня уже ожидала Таисия. Молча проводила до палаты и закрыла за мной дверь. Послышался щелчок замка.

А сбежать-то будет непросто, даже если захочу.

Иван затыкнулся сигаретным дымом, выпустил его вверх, полулёжа на кресле и наблюдая за сизыми клубами, поднимающимися к потолку.

– Опять куришь? Дурацкая привычка. Извини, что без стука, заняты руки, – Аркадьич прошёл к столу, поставил на него бутылку коньяка и два пузатых стакана.

– Знаю, что не жалуешь коньяк, но ничего другого у меня не нашлось. А отметить надо.

– Что отметить, Аркадьич? Ты уже бухнул, что ли? – усмехнулся, наблюдая за суетящимся доктором, а тот с хитрой усмешкой наполнил бокалы, подвинул один Бекету.

– Я нашёл тебе идеальную девочку! Твоё здоровье! – и махнул свою порцию до дна.

ГЛАВА 3

Я отходила от осмотра у противного докторишки ещё несколько часов. Лежала на койке, укутавшись в одеяло и глядя в одну точку. Накатила какая-то жуткая грусть, и страх перед неизвестностью буквально парализовал каждую мышцу. Не хотелось двигаться.

Кто мы мог подумать, что осмотр на гинекологическом кресле так пошатнет мою нервную систему. Мою! Ту, которая пережила войну и некоторые её жуткие последствия.

Разумеется, не сам процесс меня так испугал, хотя и в нём, чего греха таить, приятного мало. Больше всего меня пугал доктор и его странные вопросы.

Неужели, и правда, на опыты сдадут? Запрут в клетке, как зверушку, и буду шпиговать разными новоизобретёнными препаратами, от которых у меня вырастет хвост или вторая голова?

Вам смешно? А мне вот не очень.

Дверь тихо отворилась, а я сгруппировалась и сильно напрыглась. До боли в каждой клеточке. За мной пришли? Ну да... За кем же ещё? Опять тесты да анализы какие-то?

– Как ты себя чувствуешь? – послышался слегка хриловатый голос Бекета, и я вскочила, как ошпаренная. – Не нужно так вскакивать, я не съем.

Он прошёл к кровати, присел рядом, а я очумело устави-

лась на него.

– Я... Это... – замямлила, вмиг растеряв весь словарный запас.

– Ты «это»? – улыбнулся, опустил взгляд ниже, и я с ужасом осознала, что проклятый халат распахнулся, являя нахальному взору Бекета мои скромные «активы».

Резко натянула одеяло до подбородка, но было уже поздно, сами понимаете. Он всё увидел, а я сгорала со стыда.

– Тебе вещи нужны новые, – смотрел всё туда же, будто мог видеть сквозь преграды. Так, стоп, Мила. Никаких дурацких фантазий! Он обычный человек, ничего сверхъестественного.

– Мне? Зачем? А... Ну да. Нужны, – взирала на него, как загипнотизированная, не в силах отвести глаз.

– Я куплю тебе новые вещи, – наконец, посмотрел в глаза. – И жильё тебе нашлось.

Вот тут я просияла. Неужели? Нет, я не рассчитывала на царский дворец или гостиницу. Мне и комнатухи в коммуналке хватит. Лишь бы не в клетку на опыты.

– Правда? А работа есть для меня? А где жильё? Я имею в виду, здесь, в вашей резиденции? Или...

– Будешь жить у меня дома.

Да чтоб тебя!

– Ну что ты испугалась? – он вдруг коснулся моей щеки, погладил своей шершавой, сухой ладонью. – Меня бояться не надо. Я не обижу.

Ой-ой-ой... Что же это творится!

Испуганно отодвинулась, натягивая одеяло аж до носа, а Бекет хмыкнул.

– Пугливая.

– Я не хочу к вам домой, – заявила тихо, но уверенно. Пусть даже мысли у него не возникнет, что стану продавать своё тело.

Глаза Бекетова тут же перестали улыбаться, и меня будто холодом обдало.

– Других вариантов нет. Ты просила убежища, я тебе его предоставил. Но ты, маленькая нахалка, капризничаешь. Не хочешь работать у меня, можешь вернуться в свой город.

А вот и шантаж. Либо под Бекета ложиться, либо под какого-нибудь другого мудака. Ох, всё такое привлекательное, даже не знаю, что и выбрать.

– И вы называете это работой? Спать с вами? А вы платить будете или как? Если будет постоянная ставка, то, конечно... – заворчала, плотнее кутаясь в одеяло. Понятно, что прямо сейчас он не станет меня насиловать, но всё же было неуютно от этого пронизывающего аж до внутренностей взгляда.

– Для начала я бы хотел пригласить тебя в помощницы к няньке моего ребёнка. Но раз уж ты настроена так... – губы Бекета исказила издевательская ухмылочка, а я почувствовала, как начинает полыхать лицо. Дура! Какая же невообразимая идиотка!

– То есть, вы не собираетесь затаскивать меня в свою по-

стель?

Иван Андреевич почесал свою отросшую густую щетину и поднялся с койки. Сунув руки в карманы, долго пялился на меня, будто раздумывал о чём-то.

– Затаскивать, – хмыкнул и пошёл к двери. Вот так вот просто, оставляя меня в полном смятении и без ответов. – Встретимся, когда окончательно выздоровеешь. Пока отдыхай.

Дверь захлопнулась, и ключ неприятно заскрипел в замочной скважине. Опять заперли.

Но если подумать, то чего мне теперь бояться? Бекет сказал, что возьмёт меня к своему ребёнку. Есть ребёнок – значит, есть и жена. Я просто буду работать в его семье. Это же замечательно!

Девчонка ему нравилась. Она пришлась Бекету по вкусу ещё до того, как узнал о невинности. А когда узнал, решил, что старик его разводит. Глупо, конечно, но откуда взяться девственнице? Да ещё и с такой кукольной внешностью.

Хотя теперь многое стало понятно. К примеру, почему за ней так охотились торговцы живым товаром. Такой лакомый кусочек стоит больших денег. Очень больших.

Бекет и сам не раз хотел купить себе такую. Но то, что ему предлагали, никак не вязалось с тем, чего желала душа. Ли-

бо малолеток, что для Ивана табу. Либо уже пользованных девок, у которых ещё можно было что-то зашить.

А тут такой цветок. Свежая, чистая, как ангел. Настоящий клад. Теперь можно и о наследнике задуматься.

А когда пошёл к ней, чтобы сказать девчонке, что её ждёт – передумал. Посмотрел в эти огромные, испуганные глаза и подумал, что надо бы её приучить постепенно. Жаль ломать. Да и не хочется. Иван никогда не принуждал женщин, и это казалось мерзким, недостойным вождя.

Так он думал только до того момента, пока снова не распахнулся её халат. Только в этот раз он уже знал, что Милана девочка. И эффект был зубодробильный. Его нахрен пополам чуть не согнуло, так захотелось её.

До сих пор чёрное марево стояло перед глазами и она. С голой грудью, взирающая на него, как на жуткого монстра.

– Иван Андреевич, я так рада, что вы позвали меня, – девушка сбросила халат, приблизилась к Бекету. – Я так скупчалась, – опустилась на колени, потянулась к его ширинке. – По вам, по вашим прикосновениям, по вашему...

– Давай быстрее, – оборвал её излишняя, потянул на себя, хватая за волосы.

Ирэн быстро уловила его настроение и, расстегнув ширинку, вытащила уже налитый силой и мощью член. Накрыв пухлыми губами крупную головку, принялась за дело, ловко исполняя свою обязанность.

Бекет закрыл глаза, откидывая голову назад и представляя

на месте профессионалки девчонку Милану.

Он тогда хотел на неё наброситься. Подмять девочку под себя, содрать то проклятое одеяло и почувствовать на ощупь, какое там у неё всё нежное и маленькое. Розовые, красивые складочки. Скорей всего так и есть. Взять бы её прямо тогда. Натянуть на свой член и вдалбливаться так, чтобы её тело вибрировало и извивалось под ним.

Зря врач рассказал ему о том, что девочка девственница. Лучше бы не говорил. Иван теперь с ума сойдёт, пока не возьмёт её. Где взять столько выдержки?

Кончив в рот Ирэн, отпустил её волосы и, застегнув ширинку, поднялся.

– Можешь идти.

– Это... Всё? – девушка была удивлена тому, как быстро Бекет насытился. Обычно ему и ночи не хватало, чтобы снять весь напряг. Минет был лишь прелюдией.

Нет, не насытился. Но Ирэн не хотел. Хотел девственницу. Ту, из которой получится его идеальная женщина.

– Всё. Иди.

Зря он всё это затеял. Нужно было сразу ей обо всём сказать, поставить перед фактом. Никуда бы не делась.

Но ему захотелось помучить её. Запугать, чтобы поняла: стать его – это лучший вариант для неё. Пусть пока посидит, подумает об этом. Потом сама к нему запрыгнет.

А то выдала... «Затащить в постель». Глупая девчонка.

Прошло два дня. Целых два дня скуки и уныния под замком. Книгу мне так никто и не принёс. Несколько раз в день заходила ненавистная Таисия, приносила еду или градусник и снова сваливала. Я больше не настаивала на общении, успокаивая себя тем, что скоро меня освободят из этой жуткой тюрьмы.

Но время тянулось так медленно, что понемногу начинала ехать крыша. По ночам чудилось, будто кто-то приходит ко мне в палату. Я буквально кожей ощущала чьё-то присутствие и тяжёлый взгляд, но когда открывала глаза, рядом никого не обнаруживала. И такое происходило каждую ночь.

Это всё нервы – твердила сама себе, но сон пропадал бесследно, и до утра я лежала, глядя в потолок.

Здесь было неудобно и страшно. Я знала, что заперта и просто так ко мне никто не войдёт, но всё равно не чувствовала себя в безопасности. Я боялась каждого шороха и всё время ждала, что ворвётся какой-нибудь придурок, вроде того горе-охранника и изнасилует меня. Или ворвутся толпой и сделают это хором. В общем, моя буйная фантазия рисовала картинки одну ужаснее другой, и я уже готова была умолять Бекета, чтобы забрал меня поскорее.

Но он не торопился...

Он не торопился, знал, что такое заточение. Даже мужчин оно ломает, крошит силу воли и дух в пыль. Во время войны именно так пытали пленных, когда требовалось развязать им язык. Кололись даже те, кто не выдавал тайны под физическим воздействием.

Разумеется, Бекет не собирался так сильно её мучить. Но вот нескольких дней было бы вполне достаточно, чтобы не сойти с ума и стать поговорчивее. Именно это требовалось от девчонки.

Не удержался, правда, пару раз зашёл к ней. Сам не знал, как так вышло. В себя приходил уже в её палате. Она беспокойно ворочалась во сне, сбивая маленькими кулачками подушку, и морщилась, будто от боли. Он прикладывал к её лбу ладонь, проверяя температуру, а потом, когда её шумное дыхание затихало, исчезал, не желая её пугать.

Это всё, конечно, здорово злило. Возится с ней, как с ребёнком. Девка-то уже не маленькая. Юная – да, но не малолетка. Правда, разница в возрасте у них огромная. Ему тридцать семь, ей – двадцать. Целая пропасть между ними. Это может стать проблемой. Она, по сути, ещё глупая, воспитывать надо. А ему бы покоя хотя бы под крышей своего дома.

В дверь кто-то постучал, отвлекая его от мыслей.

– Можно, Иван Андреевич? – в проёме нарисовался Костян.

– Заходи, – буркнул, оставив чашку из-под кофе.

– Я это... Я если бы знал, что девчонка неприкосновенная, я бы не полез, вы ж знаете, – бедняга переминался с ноги на ногу, то бледнея, то краснея.

Бекет прикурил сигарету и, затянувшись едким дымом, посмотрел парню в глаза.

– Хватит чистосердечных признаний. А теперь слушай меня внимательно, запомни, что я скажу, и передай другим. Если кто-то ещё хоть раз посмотрит в сторону этой девушки – оторву яйца. Передай всем, чтобы знала каждая собака в городе – она моя любовница. Моя наложница, моя рабыня. Моя. Кто посмеет тронуть или хотя бы подумать о том, чтобы тронуть, пощады не будет. В борделях полно шлюх, их трахайте.

Костик нервно сглотнул от того, как это прозвучало, и закивал:

– Понял. Всем передам.

Таисия поставила поднос с едой на столик, а затем затащила в палату ведро со шваброй. Пока я ела, она елозила по полу мокрой тряпкой и украдкой бросала на меня странные взгляды. Не враждебные, как раньше, а скорей заинтересованные.

Спустя пять минут, я не выдержала:

– Что?

– Да так. Смотрю на тебя и думаю, как вам молодым шлюхам легко и просто живётся. И что он в тебе нашёл?

Моя челюсть отвисла, а внутри шевельнулось зудящее желание надеть стерве на голову ведро с грязной водой.

– Не поняла...

– А что непонятного? Тут всю жизнь пашешь, как проклятая, детей растишь, некогда даже в порядок себя привести, чтоб мужика нормального найти. А приходит вот такая цаца, и на тебе – наложница! Тьфу! – сплюнула в сердцах (спасибо, не в мой суп), и, подхватив швабру, пошла прочь.

– Ааа... Таисия? – смотрела ей вслед с открытым ртом, но дверь захлопнулась, и я осталась без ответов. – Что это вообще было?!

Пожав плечами, снова взялась за ложку. Здесь у каждого свои тараканы, не поймёшь их, этих людей.

Но меня волновало другое. Когда уже Бекет закончит свои проверки и заберёт меня отсюда? Так, чего доброго, у этой Таисии переклинит там в голове, пристукнет меня своей шваброй.

И вдруг, как по щелчку, открылась дверь, и в палату вошёл Иван Андреевич.

– Приятного аппетита.

Да дадут мне сегодня съесть этот суп или нет?

– Здравствуйте... Спасибо.

Аппетит тут же пропал, и я с тоской посмотрела на тарелку.

– Как дела? – он улыбнулся мне, бросил какой-то пакет на постель и присел на стул напротив. – Да ты ешь, ешь. Не стесняйся. Я тебе, кстати, одежду принёс.

Я улыбнулась, снова взялась за ложку, но теперь кусок в горло вряд ли полез бы. Не могла я хомячить, когда он так смотрит.

– Дела хорошо, – всё же поймала картофелину, отправила её в рот.

– Что ж, я принял решение забрать тебя сегодня, – вот вроде и понимаю, о чём говорит, но ощущение какое-то странное. Будто двойное дно в его словах. А может, просто это я стала слишком подозрительной. В наше время, да ещё в том городе, где я выросла, доверять никому нельзя. Уже однажды моя доверчивость чуть ни завела меня в рабство.

– Мм... Это хорошо, конечно. Но мы с вами не обсудили ни мои обязанности, ни часы работы... – Хотела и о зарплате намекнуть, но постеснялась. Неловко как-то. Он и так мне очень помог. Другой бы вышвырнул или продал в бордель. А Бекет вот по-человечески так...

– Обсудим по ходу дела. Это всё чепуха. Главное, что ты теперь в безопасности. В моём доме тебе понравится.

Вот да. Безопасность – главное. А то я тут уже извелась вся. То и дело жду, что придёт кто-то из солдат и вытворит

со мной невесть что. Так и до невроза недалеко.

– Ну, тогда я согласна, – сказала зачем-то. Как будто он спрашивал меня.

– Отлично. Доедай и пойдём.

Вот так просто? Не спросит, как я отношусь к детям, есть ли у меня опыт? Хотя, с другой стороны, зачем ему это? Я же в помощницы к няньке.

Она шагала осторожно, всё время дёргалась и оглядывалась по сторонам. Ивана аж передёрнуло от этого зрелища. Это как же девочку зашугали, что собственной тени боится?

Попались бы ему те ушлёпки, что в рабство её хотели сбагрить, убил бы на хрен. Вытащил бы на площадь и расстрелял бы прямо там. При всех. Чтобы больше ни у одной мрази не возникло желания торговать юными девочками.

– Ой, а вы здесь живёте, да? – Милана удивилась, когда обнаружилось, что его дом находится на территории резиденции. – Я думала, где-то в городе. Ну там, в центре где-нибудь, в фешенебельной новостройке... Но дом лучше, да. А там только вы живёте? Какой-то он очень большой для одной семьи.

Беззвучно усмехнулся в бороду, чтобы не обидеть несмышлёную.

– Мы и так в центре города, Милана. Осмотрись вокруг.

А в доме живём только мы с дочерью и наша нянька. Вон там, – показал на гостевой домик, – обитает прислуга.

Она огляделась по сторонам, ахнула, увидев за высоким забором зеркальные высотки.

– Ого... Это что же, прямо в городе? А почему здесь так тихо?

– Потому что к моей резиденции никто не может подойти или подъехать ближе, чем на километр. Везде посты и вооружённые до зубов бойцы. Охраняют тебя, – не мог не залюбоваться её восхищённым личиком. – Ты высотки не часто видишь, да?

– Неа, – обиженно оттопырила нижнюю губу, а Бекет подумал вдруг, что было бы интересно узнать, какие они на вкус, эти сладкие губки. – Наш город во время войны почти полностью разрушили. Отстраивали, конечно, своими силами, но сами понимаете, какие там высотки... Так, четырёхэтажки в основном. Ну, и лачуги всякие. А таких огромных зданий, как ваша резиденция или дом, нет, конечно.

Он нагло пользовался тем, что девчонка отвлекалась, и пялился на её маленькую, упругую грудь, соски которой выделялись сквозь светлую бежевую блузку. Немного худощавую, но очень женственную попу обтягивали простые джинсы, а волосы её были собраны в пучок на затылке. С курткой он как-то прогадал. Схватил слишком маленькую, и теперь все её прелести выглядывали наружу. И всё равно она ему нравилась. Свежесть и чистота соблазнительны, даже в

скромной, простой одежде. Уж этого у малышки не забрать. Нет, он заберёт скоро, конечно. Но от этого она не станет грязной. Она для него.

– Дааа, – мечтательно протянула Милана, отвлекая его от идиотских мыслей. – Классно тут у вас.

– Это ты ещё в доме не была. Пойдём, – слегка подтолкнул её к калитке и сжал руку в кулак, чтобы не скользнуть ею на задницу девчонки. Не время вроде как. Потом.

Я обалдело уставилась на большой двор с детскими качелями, гирляндами на зелёных ёлках и красивыми фигурками оленей, деда Мороза со Снегурочкой и прочих новогодних персонажей. Захотелось вдруг залезть в большие сани и... А у меня, оказывается, ещё играет детство в одном месте...

Но я помнила своё страшное, полуголодное, холодное детство. И это не от того, что родилась в неблагополучной семье. Вовсе нет. Просто я была ребёнком войны. Страшной и беспощадной войны. Такой жестокой и кровавой, что до сих пор в голове звучали фантомные взрывы и выстрелы. У меня не было качелей и игрушек. Не было ничего из того, что должно быть у ребёнка. И детства, в общем-то, не было.

Думаете, завидую этой девочке? Дочери Бекета? Да, завидую. Не по-чёрному, конечно, не со зла, но завидую. Мои родители были интеллигентными, честными и добрыми

людьми. Не их вина, что так всё сложилось... Папа не смог взять в руки оружие, чтобы защитить свою семью. Испугался или что-то другое. Мне уже этого не узнать. А мама... она была слабой женщиной. Что она могла?

– Что с тобой, Милана? Плохо? Голова кружится? – моего лица вдруг коснулась слегка шершавая, сухая рука Бекета, и я часто заморгала, прогоняя непрощенные слёзы.

– Нет, я... – громкий всхлип вырвался из груди, и проклятые слёзы хлынули из глаз рекой.

Бекет ничего не сказал, не удивился. Взял меня за затылок и привлёк к своей груди, утыкая сопливым носом в пахнущий парфюмом вязаный свитер. Парфюмом! Где я, а где парфюм и дорогой свитер? Интересно, он кашемировый? Такой мягкий, приятный. Сумасшествие какое-то.

И запах его мне нравился и успокаивал. Даже слабость в коленках появилась. Я, наверное, ещё не выздоровела окончательно, но говорить об этом побоялась. А то, чего доброго, снова отправит меня в тот жуткий изолятор. А мне здесь понравилось. В дом этот шикарный хотелось. На качели хотелось. Чтобы вот так стоять ещё долго-долго и вдыхать его запах. Мне так не страшно. Мне так хорошо. И боли, будто не бывало...

Может, я ошибалась насчёт Бекетова, и он никакой не убийца и диктатор? А может, его также вынудили обстоятельства? Он просто защищает свою дочь, окопавшись в своём городе. И он добрый... Кажется.

Но долго наслаждаться уютными объятиями мне не дали. Оторвал от себя, вытер с моих щёк влагу.

– Всё, девочка. Отставить слёзы и сопли. Давай, успокаивайся. Теперь твоя жизнь изменится. Ничего из того, что было раньше, не будет. Я позабочусь о тебе.

ГЛАВА 4

– Ух тыыы! – вырвалось у меня, когда дверь открылась, и Бекет пропустил меня внутрь.

Нереально высокие потолки и огромные колонны, статуи полуголых женщин из мрамора и большие расписные вазы. Всё это мало напоминало дом, каким я его представляла в своих фантазиях. Скорее, музей какой-нибудь. Лувр – не меньше!

– Нравится? – перевела взгляд на Ивана Андреевича и заворожено кивнула.

– Агаа...

– Ну давай, снимай куртку. Жарко у нас, – курточка сползла с плеч, и Бекет взял меня за руку.

От кончиков пальцев до локтя прошёл разряд, и я дёрнулась.

– Не бойся, пойдём, – потянул меня за собой, и я потопала, отчего-то начав ощущать тревогу.

Возник какой-то страх... Пока ещё очень слабый, но вполне ощутимый. Что-то вроде надвигающейся необратимости.

Глупости, конечно. Пожелай Бекет сделать со мной что-то плохое, уже сделал бы. Для этого ему не нужно было приводить меня в свой дом. Просто я много пережила в последнее время. Постоянное напряжение, даже нервное истощение... Всё это не идёт на пользу психике.

Мы свернули направо, прошли через арку, и я услышала голоса. Один из них – детский. Это, видимо, и была дочка Бекета.

– Пааапаааа! – раздаётся вдруг радостный визг, и я вижу девочку лет пяти, несущуюся к нам, как маленький смерч. Она ловко запрыгивает на руки к Ивану Андреевичу и крепко обнимает его за шею. Подхватив дочь, он крепко прижимает её к себе, а я от неловкости пячусь назад. Не хочется портить такой тёплый момент.

К нам выплывает тучная женщина, приторно улыбается, увидев Бекета, и бросает на меня заинтересованный взгляд, который тут же превращается в лёд. Отлично, блин. Уж не этой ли няне я должна буду помогать? А та тем временем продолжает изучать меня неприятным взглядом, будто рентгеном. Она случайно не родственница Таисии? Я бы не удивилась.

– Как у вас дела? – Бекет, судя по направленному на Фрэнкен Бок взгляду, обращается к ней, но та не успевает и рта открыть, как малышка отрывается от его шеи и начинает во всю тараторить:

– Мы игррррали, а потом ели печеньки с молоком! А по-

том Нина мне сделала куклу! – кроха достала из кармана синего комбинезончика тряпичную Барби и ткнула ею в лицо отцу. – Вот! Крррасивая, пррравда?

Я невольно улыбнулась. «Р» малышке давалась с необычайный трудом, но она очень старалась, видимо, не желая расстраивать папу. Или же боялась тётку, стоящую позади. Мне вот последняя совсем не приглянулась. Не удивилась бы, если бы узнала, что она держит ребёнка в ежовых рукавицах. Вот только одно непонятно: где мама малышки? Бекет ничего не говорил о ней. Сказал только, что они с дочерью и нянькой живут в этом доме. Значит, нет её, жены? А куда делась? Уж не без вести ли пропала. Глядя на «добрых» местных жителей почему-то на ум пришло несколько вариантов и тот, о котором я говорю – самый безобидный из них.

– Ну всё, всё, – женщина протянула руки, пытаясь забрать девочку. – Не надоедай папе, – странно, но её взгляд заметно потеплел, когда вернулся к ребёнку. Может, зря я так... – А это новая уборщица, Иван Андреевич? – а нет, не зря.

– Это... – он повернул голову, посмотрел на меня и как будто задумался. Забыл, кем хотел меня назначить? Бедный дяденька Бекет, совсем заработался.

Мазнула взглядом по его запястьям, опустилась ниже, на красивую, узкую задницу и чуть ни облизнулась. Неее... На дяденьку не тянет. На самца тянет, на жеребца тянет, на местного Дон Жуана даже, но никак не на дяденьку. И хоть он явно намного старше, но всё в нём мне нравилось.

Откуда у девственницы подобные мыслишки, спросите вы? Так всё просто. Мне, блин, двадцать лет уже. И чисто теоретически я знаю, как занимаются сексом. Даже смотрела несколько раз порнушку. И постыдным это занятие не считаю, не ханжа. Даже иногда фантазирую, каким будет мой первый раз. Но как только дело доходит до практического занятия... Моя душа вдруг требует любви.

– Это Милана – твоя помощница, Нина. Будет с Маринкой помогать и заменять тебя на выходных.

– Но я не устаю... – удивлённо протянула женщина. Видать, она сама не в курсе, что ей подмогу нашли.

– Работать без выходных вредно. Всё, принимай, обучай. Начнёте с завтрашнего дня. Комнату ей приготовь на втором этаже. Рядом с детской, – отдав ребёнка няне, взял меня под руку и повёл за собой. – А ты сейчас со мной пойдёшь. Расскажу тебе о правилах моего дома.

Вошли в какой-то кабинет, судя по строгости и минимализму, Бекетовский. Он прошёл к столу и, сев в кресло, указал мне на соседнее.

– Присядь. Давай поговорим о том, что в моём доме разрешено, а что запрещено. Я всегда строг к своим людям, а ты, придя в мой дом, автоматически стала «моим» человеком. Чтобы у нас не возникало недоразумений, ты должна придерживаться некоторых правил.

Я по-деловому закинула ногу на ногу, важно кивнула.

– Слушаю вас, Иван Андреевич.

Он отчего-то поморщился. Что такое? Я неправильно его имя сказала? Так нет же...

– В общем, так. После десяти вечера на улицу ты не выходишь, – да не особо-то и хотелось. Я в своём городе вообще после девяти вечера запиралась на все замки и сидела в своей комнатухе, как мышка. – У меня, конечно, все бойцы вымуштрованы, но раз в год и палка стреляет. Думаю, ты уже это поняла в изоляторе. Также нельзя выходить из дома в откровенной одежде. Не стоит провоцировать голодных мужиков, – тааак, а в пределах дома, значит, можно носить откровенную одежду? Хмм... – Во всём слушаться Нину. Она здесь и за няньку, и за экономку. Трудится у меня очень давно, и я всегда был доволен её работой. Постарайся сделать так, чтобы я и тобой был доволен, – прозвучало как-то неоднозначно, нет? – В остальном ты сама решаешь, что есть, когда отдыхать и чем заниматься в свободное от работы время. Разумеется, никаких свиданий и блядства. Запомни мои простые правила и следуй им. Ну что, договорились?

Я поджала губы, кивнула. Всё хорошо, конечно, и даже очень привлекательно. Но с каждой секундой своего пребывания в этом доме я буквально попой чувала какой-то подвох. Не бывает так радужно и идеально. По крайней мере, у меня не было никогда. А тут вдруг блага такие на голову свалились... Подозрительно. Паранойя, скажете вы? Не исключено. Но разве у вас не возник вопрос: почему – ты, Мила? Почему не та же Таисия, которая работает здесь годами?

Почему не какая-нибудь другая девушка, которых в городе надежд, уверена, пруд пруди?

– О чём задумалась? – Бекет сложил руки в замок, наклонился ко мне. – Поделишься?

– Что? Аааа... Я – нет... То есть, я согласна. Да.

Он удовлетворённо улыбнулся, откидываясь на спинку кресла, и что-то в его взгляде мне не понравилось. Впрочем, эту всю мнительность надо бы засунуть куда подальше. Станиславский, блин, в юбке. Есть отличное жильё, еда, работа. Так чего киснуть?

А «дяденька» Иван обо мне позаботится, как и обещал. Всё же хорошо, да?

– Спасибо, дяденька... То есть, Иван Андреевич, – я что, вслух это ляпнула?!

– Чего? – протянул поражённо, подавшись вперёд, и я с трудом сдержала усмешку. – Какой я тебе дяденька? – прогремел недовольно, и тут уже я не удержалась, засмеялась, склонив голову.

Бекет вдруг возник рядом, навис надо мной, как огромная пантера (почему-то именно этот зверь пришёл на ум), и смех застрял где-то в глотке, вызывая кашель.

– Ещё раз так меня назовёшь, я тебе ремня всыплю. По-отечески, – в его угрозе не было и намёка на шутку. Вот совершенно.

– Я пошутила, – выдавила из себя полуживую улыбку, и взгляд Бекетова смягчился.

– Смотри мне, шутница, – тяжеленная как молот рука легла на моё плечо, крепко сжала и помассировала напрягшиеся мышцы. – У меня чувство юмора отсутствует. Могу не оценить шутку, – рука переместилась на мою шею сзади, помассировала там. Грубовато так. И взгляд его стал странным. По моему лицу блуждает, будто что-то выискивает. Крылья носа раздуваются и дышит Бекет так шумно... Не поняла я что-то... – Ну всё, беги, осваивай свою комнату. Я вечером привезу тебе вещи.

Вот это торкнуло. Аж всё тело свело в судороге. Давно его так не накрывало. Чтобы до дрожи в конечностях. Чтобы потерялся и забылся.

Надо выпить. Выпить и потрахаться. Всегда помогало расслабиться. А то так, чего доброго, девочку оформит раньше времени. Не то чтобы эта идея ему не нравилась, но вроде как нехорошо. Пусть хоть пару дней отдохнёт, приживётся. А там уже можно и в наступление пойти.

И снова поморщился. Что за сопли он, блядь, развёл? Какого лешего вообще? Как в детском саду.

– Папочкаа! – из коридора послышался окрик дочери – идёт его искать. – Ты здесь! – дверь приоткрылась, и маленькая бестия впорхнула в кабинет. – Я соскучилась! – бросилась к нему, видимо, воспользовавшись моментом, пока Ни-

на отвлеклась на Миланку. Милана... Милка.

– Ну что ты, – подхватил её на руки, подбросил вверх, и мелочь радостно завопила. – Хочешь погулять с папкой, а?

– Да! Да! Да! Уррра! Гулять!

Крепко прижал дочь к своей груди, уткнулся в кудрявую макушку.

– Ты моя принцесса.

– Пап, а это наша новая мама, да? – мелкая упёрлась в его грудь ручками, заглянула отцу в глаза. – Ты мне её подарил?

Иван вздохнул, невесело усмехнулся.

– Она наша с тобой.

Какой-то он странный. То рычит, то руки свои распускает. Я даже подумала тогда, что «дяденька» Бекет задумал что-то нехорошее, но он резко отпустил меня и отступил на шаг назад. Вот и пойми его, этого Ивана Андреевича.

Нина Степановна оказалась женщиной строгой, в принципе, как я и ожидала. Как Таисия, конечно, не бросалась на меня с обвинениями, но всё равно чувствовалась некая враждебность. Ну и плевать. Не особо мне и нужно её расположение.

А вот маленькая Маринка мне понравилась сразу. Её буйные тёмно-русые кудряшки бойко подпрыгивали при каждом движении, и девочка то и дело пробегала мимо нас с

нянькой, тут же исчезала за какой-нибудь тумбочкой или диваном и снова появлялась. Забавная и прикольная.

Правда, она не торопилась ко мне приближаться. Будто опасалась или стеснялась.

– Так, вот там ванная комната. Туда не ходи. Там можно мыть только Маринку. Это хозяйская ванная. Для нас та, что на первом этаже, – коротко информировала Нина Степановна и переходила к следующей комнате. – А здесь комната Ивана Андреевича. Сюда входить запрещено. Только домработнице и только в присутствии хозяина. Маринку сюда тоже не пускай, а то перевернёт там всё вверх дном.

Я молча кивала и шагала за ней, иногда оборачиваясь назад и пытаюсь поймать маленькую стрекозу, но та ловко уворачивалась и снова убегала.

– Вон там комната Маринки. Следи, чтобы не было пыли, у малышки на неё аллергия. А здесь твоя спальня, – кивнула на дверь между комнатами девочки и её отца. Хмм... Это так задумано, да? Хотя, если учесть, что спален на этаже больше нет, то вполне логично получается. И всё же меня смущал тот факт, что Бекет будет спать через стенку. Глупо? Возможно. Но после того, как он смотрел на меня в своём кабинете, я не была уверена, что хочу такого соседа. А-ну, он контуженный какой.

– Простите, а на первом этаже, рядом с вашей комнатой нельзя мне выделить место?

Женщина выгнула свою тонкую бровь, отчего её большие

очки сползли на кончик носа, окинула меня удивлённым взглядом.

– Запомни, девочка, в этом доме всё решает хозяин. Он сказал поселить тебя здесь, значит, так и будет.

Я не нашлась, что ей ответить, просто пожала плечами. Что за люди тут бешеные. Так бы и разорвали в клочья.

– Если тебя что-то не устраивает, обращай к Ивану Андреевичу, – это она, видать, закончила свою мысль. Низкий поклон ей за это.

– Ты моя мама! Значит, будешь спать здесь! – рядом возникла мелкая и, уперев свои маленькие ручки в бока, строго посмотрела на меня снизу вверх. А взгляд точно как у папаши! Во дела...

Я улыбнулась, присела на корточки и, оказавшись с ней лицом к лицу, протянула руку для знакомства.

– Меня Миланой зовут. Можно просто Мила. Я не твоя мама, но мы могли бы стать подружками, как ты на это смотришь?

Но вопреки моим ожиданиям, девчонка не возрадовалась такой перспективе, а зло топнула ножкой.

– Ты моя мама! Мне тебя папа подалил! – порычать в порыве злости она, видимо, забыла. – Ты наша с папой, он сам так сказал!

Я на пару секунд опешила, если не сказать охренела, но быстро взяла себя в руки. Мало ли что ребёнок выдумает. Ну хочется ей маму, что ж теперь... Я тоже хотела маму. И

сейчас хочу.

– Ну ладно. Пойдём, посмотрим мою комнату? – протянула ей руку снова, и на этот раз малышка схватилась за неё своими крошечными пальчиками.

В комнате было пусто, за исключением необходимой мебели. Кровать, шкаф и прикроватная тумбочка – всё новое, судя по чехлам, ещё ни разу не использованное. Надо же... Такое ощущение, что меня здесь ждали. Вот где это видано, чтобы прислуге такую огромную комнату выделяли?

В принципе, конечно, круто. Очень даже неплохо. Если бы не то самое «но», что не давало мне полностью расслабиться и получать удовольствие от того, что жизнь, наконец, налаживается. Я не знала, в чём подвох, но очень явственно ощущала, что он есть.

– Ну как? Тебе нравится? – обратилась к девочке, а та подняла на меня обиженный взгляд.

– Нет.

– Почему?

– А почему ты не хочешь спать в комнате папы?

В этот момент, должно быть, мои глаза стали величиной с теннисные мячики, а мелочь невинно хлопала длинными, тёмными ресничками и ждала ответа.

– Нууу... – я взглядом попросила помощи у Нины Степа-

новны, но та, не обращая внимания на наш трёп, пыталась открыть шкаф. – Наверное, потому что мы не пара и не муж и жена. Чужие люди не могут ночевать в одной комнате.

Мелкая выдернула свою руку из моей и нахмурила милые бровки.

– Вы не чужие!

Выдохнула.

И как вот ей объяснить, что я не та, которую она хочет видеть? Что ж мне теперь, мечты детские разбить? Я хорошо помнила свою реакцию, когда мне сказали, что мамы и папы больше нет. Ну уж нет... Пусть ей это папа объясняет. Или вон няня.

– Давай я пока здесь поживу, а потом мы что-нибудь придумаем? – пошла на мировую, и Маринка, поджав губы, согласилась. – Ну, вот и ладненько.

Мне нравилась эта малявка с каждой минутой нашего общения всё больше. Был в ней какой-то внутренний стержень. Который не ломается и не гнётся. Видимо, она не только внешне похожа на своего отца.

– Ну что ж, порядок наведёшь здесь сама, я выдам тебе всё необходимое. А теперь пойдём на кухню, покажу, как готовить еду для Мариночки, – Нина Степановна таки победила шкаф и повернулась к нам. – Надеюсь, готовить ты умеешь?

– Умею.

Маринка тут же схватила меня за руку и потащила за собой. Что ж, хотя бы не скучно будет.

Бекет бездумно указывал на вешалки с новомодными тряпками, а девушки-консультанты наперебой таскали тюки шмотья к кассе и упаковывали в огромные пакеты.

А он всё о словах дочери думал. Они пульсировали и звучали в голове эхом.

«Это новая мама?»

Какая там мама. Она сама ещё ребёнок. Вспомнить только глаза, полные восторга при взгляде на обычную постройку. А как она на груди у него плакала? Девчонка изранена до самого сердца, а всё хорохорится, делает вид, что ничего не боится и на всё ей наплевать. А сама дрожит от каждого его прикосновения. И дрожит не от страсти, к сожалению.

– Иван Андреевич? – прозвучало рядом, и он повернулся к девушке. – У нас ещё есть бельё из последней коллекции. Вы нам только размер скажите, и мы подберём лучшее.

Иван тщательно изучает её, останавливается взглядом на крутых бёдрах.

– Разденься, я хочу посмотреть на тебя без одежды.

Девушка краснеет, открывает рот, чтобы выкрикнуть что-то вроде: «Что вы себе позволяете?» Но вовремя вспоминает, кто сидит перед ней, и, покорно опустив голову, молча обнажается. Но это всё лишь игра. Спектакль, чтобы зацепить его показушной невинностью. По глазам девки видно,

что она мысленно уже раздвинула перед ним ноги.

Девушка снимает с себя почти всё, выпрямляет спину, и на пухлых губах появляется порочная улыбка.

– А теперь надень то бельё, о котором говорила, и покажи мне его.

В её глазах мелькает разочарование, и она, подхватив вешалку с бельём, направляется в раздевалку.

– Ну, как вам? – спустя минуту уже дефилирует перед Бекетом, а он осматривает её со всех сторон и понимает, что никак. То ли девушка слишком полная, то ли ноги у неё кривоваты, то ли он становится импотентом.

Она спала, уткнувшись носом в подушку и тихо посапывая. Забавная.

Зацепив пальцами одеяло, стащил его с девушки и склонил голову набок, разглядывая её маленькую, но очень даже соблазнительную попу, что отчётливо виднелась под белыми трусиками. Стащить бы их и пройтись пальцами по нежным девичьим складкам.

Возбуждение пронеслось по телу взрывной волной, Иван закрыл глаза, медленно выдыхая. Надо бы уже к делу приступить, нечего тянуть. Куй железо, пока оно горячо, как говорится. Пока девчонка испугана и готова на всё, лишь бы понравиться ему, нужно брать её в оборот.

Оставив пакеты с вещами у её кровати, тихо вышел из комнаты и чуть не наступил на сонную дочь.

– Эй, ты что здесь бродишь? – подхватил её на руки, прижимаясь губами ко лбу малышки. – Не горячая вроде. Что-то приснилось?

– Я к маме хочу, – захныкала Марина, уворачиваясь от его поцелуев.

– Нет, к маме сейчас нельзя. Она спит. Пойдём лучше ко мне.

Наверное, это неправильно – давать Маринке надежду. Кто его знает, как сложится с Миланой, и сколько для этого понадобится времени. Но он не мог отказать своей принцессе. Только не ей, пережившей такой ужас в столь раннем возрасте.

Проснулась от лёгкого касания чьей-то тёплой руки и, вздрогнув, распахнула глаза.

– Привет, – прямо перед моим лицом возникла мордашка мелкой, и я не удержалась от улыбки.

– Привет. Давно ты здесь?

– А ты класивая. Папа плавило тебя выблал, – игнорируя мой вопрос, мелочь взяла прядь моих волос, поднесла её к своим кудряшкам. – И волосы как у меня.

Я засмеялась, опрокидывая её на постель и щекоча, а мел-

кая тоненько запищала, отталкиваясь от меня ножками. И внутри вдруг так тепло стало, так хорошо. Будто и правда новая жизнь началась. Настоящая, яркая, без крови, слёз и перестрелок. Без воен.

– Пелестаань! – вопила Маринка и лупила меня по голове маленькой подушечкой, которую, судя по всему, сама же и приволокла. – Ну, мааамаа! – это слово тут же охладило мой пыл, и я почувствовала свою вину за то, что позволяю ребёнку обманываться. Надо бы обсудить этот момент с Иваном Андреевичем. – Пошли завтлакать? Там папа нас ждёт, – глаза малышки горели надеждой, и я тяжело вздохнула, выпуская её из рук. Нет, пока это не зашло слишком далеко, надо что-то решать. Прямо сейчас и поговорю с Бекетом. – Ты ластлоена? – выражая своё любопытство, заглянула мне в глаза. – Не грусти. У тебя же тепель есть я.

И я заревела. От жалости к этой крохе, от жалости к себе. От жалости ко всем вот таким... Обездоленным.

Малышка обняла меня за шею и притихла, успокаивая своим ровным дыханием и запахом. Запахом молока, мёда и счастья.

На коже выступили мурашки, когда он мазнул по мне своим взглядом. Таким насыщенным и требовательным. Сразу возникла мысль: может, что-то не так? Не в то одета, не так

смотрю, не так держу его дочь?

А мелкая, увидев своего папку, завозилась, запрыгала и, ударив мне под дых коленкой, сползла с рук. Бросилась к Ивану Андреевичу, а тот, отложив на тарелку приборы, схватил её своими громадными руками.

Надо же, нежность какая. Маринка аж утонула в его объятиях. Закрыла глаза, замурчала. Я на какое-то мгновение даже забылась.

– Доброе утро, принцесса, – он прижался губами к её макушке, с наслаждением втянул в себя детский запах. – Как спалось?

– Хорррошо, папочка, – мелочь хитро заулыбалась, повернувшись ко мне. – А маму ты поцелуешь?

Ах, ты ж... Мелочь хитропопая! Ишь чего удумала!

И я понимала ведь, что это всего-навсего детская блажь и желание, чтобы все вокруг выполняли принцессины капризы, но сердце отчего-то забилося так часто-часто. Аж ладошки вспотели.

Папа-король наградил меня загадочным взглядом, улыбнулся, опуская кроху на стул рядом с собой, слева.

– Давай ты не будешь указывать отцу, что ему делать, ладно? Милана, – выровнялся, отодвинул стул по правую руку. – Прошу, присядь.

Я сглотнула вязкую слюну, потопала к ним. И с удовольствием присела бы в противоположном конце стола, но это выглядело бы невежливо. А мне нельзя расстраивать Бекета.

Потому что как сюда попала, так и вылететь могла. Со свистом. Но вот его давящая на подсознание аура, такая мощь... И то, что он делал тогда в своём кабинете... Всё это подавляло. Мне хотелось, трусливо поджав хвост, сбежать.

Я присела на стул, но пододвинуться к столу не успела. Бекет поднял стул вместе со мной и сделал это сам. Вот так просто, будто мы вместе с огромным деревянным стулом ничего не весим.

– Спасибо, – выдавила из себя смущённую улыбочку, но поднять на него взгляд не успела.

Иван Андреевич вернулся на своё место, а передо мной вдруг возникла тарелка с омлетом и какой-то зеленью. Подняв голову, заметила маленькую, полноватую женщину, что молча, ни на кого не глядя, расставляла блюда.

– Спасибо, – улыбнулась и ей, особо не надеясь на ответ, но женщина вдруг подняла на меня взгляд, уголки её губ на короткое мгновение приподнялись. Ой, да тут ещё есть живые люди!

Маринка внимательно за мной наблюдала, будто сканировала. А глаза... Глаза такие Бекетовские. Изучающие.

Я подарила улыбку и ей.

– Приятного аппетита, – прозвучал голос Бекета, и меня снова затрясло мелкой дрожью. Блин, тахикардии мне только не хватало.

– И вам, – ответила коротко, уткнулась в свою тарелку и попыталась сосредоточиться на еде. А сосредотачивать-

это, скорее всего, было сказано для девочки.

– Ну, ладно, – пожала плечами. В конце концов, это его проблема. Я всего лишь прислуга. Прислуга, которую почему-то называют мамой и сажают за хозяйский стол. Причём, Бекет даже не попытался объяснить Маринке, что я не её мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.